

Ха, ну и куда подевался уровень симпатии?

Дзынь! Уровень симпатии: 2.

Цыц.

В тот же вечер У Мин остался у Второго господина Шэня и даже вошел в его спальню.

В комнате Второго господина Шэня царил необычайный полумрак. Едва переступив порог, У Мин невольно прикусил губу. Он взглянул на Второго господина Шэня, полулежащего на кровати, сжал кулаки и всё же подошел ближе.

— Второй господин, — голос У Мина прозвучал едва слышно, словно перышко коснулось уха мужчины.

В царившем сумраке У Мин почувствовал, как Второй господин Шэнь перевел на него взгляд. Набравшись храбрости, юноша слегка дрожащими руками развязал пояс. Шелковый халат соскользнул на пол. Под ним на У Мине ничего не было, и его юное, изящное тело внезапно обнажилось в этой душной комнате.

Второго господина Шэня редко одолевали желания. По правде говоря, у него никогда не было близости с кем-либо — отчасти потому, что состояние здоровья не позволяло, а отчасти из-за его чрезмерной холодности. Но сейчас его дыхание стало тяжелым. Он смотрел, как юноша взбирается на кровать и, дюйм за дюймом, подползает к нему. Белоснежное, безупречное тело казалось воплощением самой юности и жизни.

У Мин опустился на колени по обе стороны от бедер Второго господина Шэня, безмолвно глядя на него, а затем подался вперед и припал к его губам. Они были ледяными, а дыхание — совсем слабым. Сначала он лишь слегка потерся губами о губы мужчины, а затем медленно разжал их, проникая внутрь несмелым, но горячим языком, постепенно всем телом прижимаясь ко Второму господину Шэню.

Лишь когда из уголка его рта потянулась серебристая нить слюны, он отстранился, прерывая поцелуй, и потянулся к зеленому халату Второго господина Шэня. Тот любил длинные одежды — может, потому что в них было удобно, а может, они придавали ему более человеческий облик.

Наконец, Второй господин Шэнь заговорил:

— Тебе вовсе не обязательно это делать.

У Мин ничего не ответил, лишь посмотрел на Второго господина Шэня. В его живых, выразительных глазах отражалось многое, но больше всего — чувства. Его взгляд, полный стыдливого ожидания, был всецело прикован к этому человеку.

Пальцы У Мина ловко расправлялись с завязками на одежде Второго господина Шэня. Ноги мужчины не были парализованы, хотя передвигаться ему было тяжело. Однако, когда У Мин увидел то, что скрывалось под одеждой, он слегка остолбенел. Неплохо, очень даже неплохо. Ни за что бы не подумал. Второй господин Шэнь притянул руку У Мина к себе, а затем заключил юношу в объятия, нежно целуя. Он действительно испытывал к нему определенную привязанность, к тому же этот мальчишка порой ускользал от любых попыток его понять. Второй господин Шэнь чувствовал себя пустыней, в то время как юноша казался миражом — зеленым оазисом среди песков; пусть это и была иллюзия, удержаться от того, чтобы

вцепиться в нее, было невозможно.

Да, юноша сближался с ним, вот только Второй господин Шэнь не знал, совпадают ли его явные цели с тайными. Он проверял прошлое юноши — оно было слишком безупречным. Неужели всё и вправду лишь из-за ненависти к Шэнь Хэцзюю?

— М-м... — с губ юноши сорвался соблазнительный, приглушенный стон. Он вскинул голову, высоко задрав красивый подбородок, и слегка нахмурился, будто испытывая легкий дискомфорт, однако дыхание его при этом стало необычайно частым.

Второй господин Шэнь входил в него медленно, и для У Мина это было сродни пытке. Его тело давно уже обмякло, он лишь прижался к Второму господину Шэню, поджав пальцы на ногах.

— Потихе... полегче, я впервые...

В этом мире — впервые, и для этого тела тоже впервые. Он вовсе не лгал.

Взгляд Второго господина Шэня потемнел, и он, крепче обняв У Мина, погрузился в пучину еще более глубокого наслаждения.

[Дзынь! Показатель благосклонности: 10.]

На следующий день У Мин проснулся очень поздно. Второй господин Шэнь тоже встал далеко за полдень — Второй господин Шэнь по состоянию здоровья, а У Мин... тоже по состоянию здоровья.

Увидев, что шкала благосклонности поднялась до десяти, У Мин испытал некоторое облегчение. И впрямь, нет таких проблем, которые нельзя было бы решить одним сном, а если уж совсем неважно — можно поспать и дважды.

[Кайфово?] — раздался в голове зловещий голос системы.

«Кайфово!»

[Бесстыдник.]

Путь контратаки младшего господина

У Мина встретил во дворе дворецкий. Улыбаясь, он нес чашу с лекарством — традиционным отваром, чей мрачный черный цвет уже сам по себе вызывал неприятные ощущения.

— Давайте я, — мягко улыбнувшись, У Мин перехватил чашу из рук дворецкого.

Дворецкий лишь доброжелательно улынулся в ответ, многозначительно взглянув на У Мина, после чего благоразумно удалился.

У Мин толкнул дверь. В комнате по-прежнему царил полумрак: тяжелые серые портьеры наглухо заграждали путь солнечному свету, и лишь тускло светился маленький ночник у изголовья кровати. Второй господин Шэнь сидел, прислонившись к изголовью, и читал книгу. Страницы прошли специальную обработку, позволяющую без труда разбирать текст даже в полутемной комнате без вреда для глаз.

— Второй господин, — тихо позвал У Мин.

Он жил у Второго господина Шэня уже несколько дней. Каждую ночь он ложился спать в его покоях, добровольно или по принуждению предаваясь с ним ласкам, и постепенно даже начал брать на себя заботу о его личных вещах. Сегодня тоже придется пить лекарство? Выглядит ужасно горьким.

У Мин сидел рядом со Вторым господином Шэнем и, глядя на черную жидкость в белой фарфоровой чаше, слегка нахмурился. Затем, поймав на себе взгляд Второго господина Шэня, он взял чашу, сделал небольшой глоток и тут же сморщился от горечи.

После этого, не колеблясь ни секунды, он подался вперед, поцеловал Второго господина Шэня, приоткрыл ему губы и перелил все лекарство прямо в рот, а напоследок еще и слизал капли с уголков его губ и лишь тогда отстранился.

— Невкусно, — бормотал он.

[Динь! Уровень благосклонности: 31.]

У Мин уголки губ приподнял, снова пригубил отвар и опять передал его таким же способом. Пить целую чашу пришлось долго, и к концу во рту у У Мина стояла сплошная горечь.

Впрочем, он лишь крепко нахмурился, а затем провел языком по уголкам губ — нежный розовый язычок сделал полный круг, увлажняя губы, прежде чем скрыться обратно. В тишине мрачной комнаты это выглядело донельзя развратно, отчего даже дыхание Второго господина Шэня стало тяжелее.

— Второй господин, не хотите сегодня прогуляться? — У Мин опустил фарфоровую чашу и с улыбкой посмотрел на Второго господина Шэня.

Второй господин Шэнь лишь приподнял руку, и У Мин тут же вложил свою ладонь в его руку, позволяя себя сжать.

— Тебе душно.

Прозвучало вопросительно, но в утвердительной интонации — казалось, он просто констатирует факт, не испытывая при этом никаких эмоций.

— Да не то чтобы, — У Мин крепче сжал руку Второго господина Шэня, и его обычно

утонченное лицо в этот момент показалось на редкость ярким и соблазнительным. — Просто если целыми днями сидеть взаперти в комнате, второму господину от этого лучше не станет. Лучше выйти, пройтись, развеяться, глядишь, и здоровью полегчает.

А потом и в постели можно будет принимать самые разные позы, ведь каждый раз сидеть сверху — это утомляет.

Второй господин Шэнь молча смотрел на У Мина, его взгляд был невероятно спокойным и глубоким.

Щеки У Мина слегка загорелись, и он отвел взгляд на занавески:

— Отдернуть шторы? На улице прекрасное солнце.

У Мин всегда считал комнату какой-то удушливой, особенно когда Второй господин Шэнь выпивал лекарство: специфическая горечь китайских отваров смешивалась с густым ароматом успокаивающих благовоний, от этого клонило в сон, и так и тянуло на дерзкие, тайные безумства.

Второй господин Шэнь не произнес ни слова, лишь прикрыл глаза — он явно устал.

Видя это, У Мин мог лишь пожелать Второму господину Шэню хорошего отдыха, укрыть его пледом и выйти наружу. Его положение в особняке Второго господина Шэня было довольно двусмысленным, поэтому он каждый раз вел себя благоразумно и старался лишней раз не попадаться на глаза, предпочитая безвылазно сидеть в комнате. Однако по природе своей он не умел долго усидеть на месте, и за последние дни его порядком утомила эта заточенность.

[Потрясающе, благосклонность взлетела так высоко, что на это смотреть стыдно.]

[Я же говорил, нет ничего такого, чего нельзя было бы решить через постель, а если не помогло — можно повторить еще пару раз.]

[Но одними лишь лести и угодничеством ты вряд ли заставишь его полюбить тебя по-настоящему. Он ведь до сих пор тебе до конца не доверяет.]

[Сынок, доверься бате, в конце концов, мало кто устоит перед батиным очарованием.]

[Да уж, ты ведь охмурял даже драконов. В конце концов, ты давно перешагнул через границы видов, разницу в возрасте, преграды полов и бесстыдство собственной рожи.]

[Одной лишь симпатии недостаточно, чтобы он полюбил меня всем сердцем, поэтому мне нужно пробудить в нем иные чувства.]

[Запретную страсть сына к отцу?]

[Ненависть. Ничто не способно подавить человека сильнее, чем ненависть. Я хочу, чтобы он возненавидел меня, но в то же время не переходил черту, чтобы в нем зародились иные, темные помыслы. Любовь заставит его привязаться ко мне и не отпускать, а ненависть заставит сойти по мне с ума. Только представь: такой правильный, фригидный человек — и творит безумства. От одной мысли дух захватывает.] У Мин облизнул губы: ему безумно нравился этот стиль. В отношениях он предпочитал занимать доминирующую позицию, ему нравилось, когда люди любили его до безумия, но при этом люто ненавидели, изнывая в тисках душевной боли.

[Внезапно я прощаю всех тех, кто поступил с тобой подло. Сейчас мне хочется лишь сказать им: «Красавцы, так держать!»]

[Сынок, батя прощает твою детскую наивность.]

[.....]

У Мин не стал покидать пределы усадьбы. Проходя мимо коридора, он ненароком бросил взгляд на задний сад, его глаза внезапно загорелись, и он направился прямо к цветочным клумбам.

Второй господин Шэнь не то чтобы не любил цветы, но особой страсти к ним не питал. Пожалуй, лишь для того, чтобы сад не казался совсем уж безжизненным, он приказал высадить здесь целое море цветов. Гроздь за гроздью мелкие фиолетовые соцветия выглядели невероятно мило. Подойдя к этой поляне, У Мин не удержался, наклонился и протянул руку, чтобы коснуться лепестков, а на его лице расцвела легкая улыбка. Сам он казался краше и прекраснее любых цветов.

— Маленькому господину нравятся эти цветы? — раздался молодой голос.

У Мин обернулся и увидел чрезвычайно красивого мужчину. От него веяло таким мягким, уютным теплом, что становилось легко на душе. На руках у него были белые перчатки, испачканные землей и тычинками — это был садовник, ухаживавший за цветами.

— Никогда раньше таких не видел, очень красивые, — У Мин одарил его застенчивой улыбкой, и эта улыбка затмила собой всю красоту безмолвных цветов. Садовник на мгновение замер, а затем мягко улыбнулся. Он любил всё прекрасное, а самым прекрасным в этом мире всегда были нежные цветы — дерзкие, холодные, яркие. Он повидал немало дивных соцветий и по собственной воле избрал ремесло садовника, но только сейчас понял, что на свете существуют создания ещё прекраснее цветов.

Солнечный свет мягко ложился на У Мина. Тот прикрыл глаза, вдыхая тонкий аромат лепестков, и длинные ресцы отбрасывали лёгкую тень на веки. Его изящное лицо завораживало, каждое движение источало неотразимое очарование, способное вскружить голову любому, кто это увидит.

В том числе и Второму господину Шэню, который стоял на втором этаже, полностью спрятавшись в складках тяжёлых портьер. Он беспристрастно наблюдал за происходящим, в глубине его глаз бушевали нешуточные страсти, но он тут же подавил их на корню.

Он знал, что юноша слишком хорош собой. Его точёные черты, пожалуй, ещё не до конца раскрылись из-за юного возраста, но уже сейчас были способны всколыхнуть любое сердце. Нрав у него был ускользящий, подобный ленивой кошке: он мог покладисто приподнять подбородок в твоих объятиях, позволяя ласкать себя, но стоило потерять бдительность, как он выпускал коготки. И пусть эти коготки пока не были достаточно острыми, чтобы нанести глубокую рану, они ясно давали понять — приручить его не удастся.

Второй господин Шэнь бросил беглый взгляд внутрь комнаты: унылой, безжизненной, тоскливой. И на контрасте с ней человек под лучами солнца казался ослепительным

воплощением красоты — до умопомрачения прекрасным, существующим лишь для того, чтобы его уничтожить.

— Вы, должно быть, очень любите цветы, раз умеете так за ними ухаживать, — У Мин знал, что Второй господин Шэнь смотрит на него, но всё же поднял голову и наивно посмотрел на красивого мужчину.

— Ничто так не пьянит, как красота, — мужчина опустил голову и провёл пальцем по лепесткам, пряча во взгляде недозволенные помыслы. Он вырастил немало цветов и пользовался неплохой репутацией в округе, иначе ему вряд ли бы доверили ухаживать за садом Второго господина Шэня каждую неделю.

Он вспомнил строки известного поэта:

Я бросил копье и меч в пыль дорог. Не требуйте плыть во дворец далёкий,

Не шлите в походы меня вновь и вновь, а сделайте садовником одиноким.

— Верно, цветы и впрямь прекрасны, — с улыбкой отозвался У Мин. В его взгляде играли весенние искорки, заставляя эти великолепные соцветия меркнуть и служить лишь бледным обрамлением для его собственной красоты.

Садовник смотрел на У Мина с чувством совсем иного порядка:

Я тропки для ваших утренних прогулок свежими и чистыми сохраню,

И каждый шаг ваш встретят цветы, готовые умереть от восторга у ног ваших в этот миг.

Я буду качать вас меж ветвей каштана, и вечерняя луна станет пробиваться сквозь листву, чтобы коснуться поцелуем ваших одежд.

Я наполню ароматическим маслом лампаду у вашего изголовья, сандалом и шафраном распишу чудесными узорами коврики возле вашей постели.

— И всё же, — У Мин сорвал маленький лиловый цветок, и в его взгляде промелькнула жалость, смешанная с лёгкой грустью, — сколь прекрасен бы ни был цветок, век его недолог. Как же жаль, когда он увядает.

У Мин чуть наклонил голову и взглянул на садовника, слегка улыбнувшись:

— Впрочем, чем прекраснее цветок, тем сильнее он манит. Наверное, в этом и заключается причина, почему вы стали садовником? Даже если это лишь миг, увидеть воочию цветение такой красоты — отдать за него всю жизнь было бы не жалко, не так ли?

Взгляд садовника окончательно затуманился. Губы его шевельнулись, и он едва слышно выдохнул:

— Да... ни капли не жалко.

Пока позвольте мне держать вашу нежную ручку, словно хрупкий бутон лотоса, и надевать гирлянды из цветов на ваши тонкие запястья;

Пока позвольте акациевым соком окрасить ваши стопы и поцелуями сдирать случайные пылинки, осевшие там.

У Мин улыбнулся, небрежно бросил сорванный цветок обратно в фиолетовое море лепестков и повернулся, чтобы уйти. А садовник, зачарованно глядя ему вслед, поднял уроненный юношей цветок и бережно, трепетно зажал его в ладони. Да, ради того, чтобы увидеть цветение этой красоты хотя бы мгновение, он готов отдать жизнь.

[Непонятно, ты сейчас пытался испытать собственное обаяние или решил подразнить Второго господина Шэня?]

Сынок, отцу не нужно испытывать своё обаяние.

[Папа, до чего же ты бессовестный. Рано или поздно тебе придётся расплачиваться за свои поступки, этот садовник и правда жалок.]

С чего бы ему быть жалким? Увидеть столь прекрасный цветок, как я — его великая честь. Пусть и на мгновение, но я исполнил его заветное желание, он счастлив.

[...Ты всякий раз пробиваешь дно. Хоть мне и не хочется этого признавать, но у тебя и правда есть все основания: твоей красоты хватит, чтобы все вокруг баловали тебя.]

Сынок, неужели ты тоже влюбился в такого прекрасного папочку?

[Я тебе не все.]

Хм.Этой ночью Второй господин Шэнь впервые прижал У Мина к постели. Прежде всегда инициативу проявлял У Мин, усаживаясь сверху, но на этот раз Второй господин Шэнь крепко прижал его снизу и властно овладевал им снова и отнова, несмотря на то что У Мин, захлебываясь слезами, безостановочно молил о пощаде и сыпал ласковыми словами. Впервые У Мин обнаружил, что в этом отношении Второй господин Шэнь способен проявлять такую жесткость и напористость.

Когда все закончилось и они привели себя в порядок, Второй господин Шэнь прижал У Мина к груди, и они крепко прижались друг к другу. У Мин не любил, когда его обнимали лицом к

лицу, поэтому его спина плотно прижималась к груди Второго господина Шэня, чувствуя его ровное дыхание и холодную руку, все еще блуждавшую по его груди.

Оба молчали. У Мин в некоторой растерянности легко покусывал собственный палец. У него были очень красивые пальцы с ногтями нежно-розового цвета — на них глядя, невозможно было удержаться от желания целовать их, нежно покусывать, а потом облизать каждый палец целиком, не оставляя без внимания даже промежутки между ними.

— Второй господин.

— Шэнь Юньсяо — мое полное имя, — голос Второго господина Шэня раздался прямо над ухом У Мина.

У Мин на мгновение замер.

— Юньсяо.

Второго господина Шэня это, казалось, вполне устроило.

[Динь! Показатель благосклонности: 35.]

У Мин в конце концов проглотил слова, которые собирался произнести. Он хотел сказать, что хочет выйти наружу, посмотреть мир — он ведь такой огромный, и у него есть собственные цели. Но У Мин чувствовал, что заводить об этом разговор еще рано. К тому же, говорить сейчас не имело смысла, было куда лучше действовать втайне, а потом просто поставить его перед фактом.

— Ты будешь всегда со мной рядом? — вдруг тихо спросил Второй господин Шэнь, и в его голосе не было ни единой эмоции.

— Конечно. Ты — самое важное, что есть у меня.

[Динь! Показатель благосклонности: 45.]

Второй господин Шэнь крепче обнял У Мина, а затем опустил голову и поцеловал его в спину. Его гладкая, нежная кожа казалась прекраснейшей вещью на свете, и Второй господин Шэнь целовал его трепетно и бережно, словно драгоценное сокровище.

Он был старше У Мина ровно на двадцать лет. Юноша был еще в том возрасте, когда мир кажется наивным и простым, в то время как жизнь самого Второго господина Шэня уже начала превращаться в стоячую, мертвую воду, готовую застыть без единой ряби.

Если ничего не изменится, он уйди из жизни раньше, чем юноша. Но сможет ли он до этого удержать юношу в своих руках? Мысли юноши уже начали метаться, ища выхода. Да, кто угодно, засыпая каждую ночь под таким старым мужчиной, в конце концов почувствовал бы отвращение. Быть может, сейчас этого еще не было, но однажды точно настанет — он возненавидит его немощное тело, возненавидит его лицо, которое пока еще молодо, но неизбежно покроется морщинами. Особенно сегодня юнона, озарённый солнечным светом, заставил его сердце впервые затрепетать от растерянности. Красота юноши была слишком потрясающей, слишком дерзкой и безудержной. На человека с такой внешностью хотелось смотреть вечно — так, чтобы его видел только он один. Этот юноша принадлежал только ему.

Второй господин Шэнь запустил руку под одежду юноши, бесцеремонно лаская его тело и блуждая пальцами повсюду. То, что скрывалось внизу, вновь начало подниматься. Он плотно прижимался к бёдрам юноши, опустил голову и принялся оставлять на хрупких плечах одну за другой багровые метки, точно такие же, какие были на теле юноши в тот день, когда он прибежал сквозь проливной дождь.

В тот день этот юноша пробуждал непреодолимое желание причинять ему боль, вызывал жгучее стремление разорвать его одежду и делать с ним всё, что заблагорассудится: приковать его руки к изголовью кровати, широко развести его ноги в стороны и безжалостно входить в него снова и снова, заставляя рыдая молить о пощаде и покрывая всё его тело бесчисленными следами, принадлежащими только ему.

— Юньсяо... о-х... — негромко стонал У Мин, терпя проникновение человека за своей спиной и закусив губу, покорно снося всё более и более бесцеремонные движения.

— Ты мой, — в разгар этого безумия У Мин услышал чей-то шепот у самого уха, наполненный духом хищного завоевания и непреклонной властью.

[Динь! Уровень благосклонности — 50.]С того самого вечера У Мин больше не видел того садовника в саду, впрочем, оно и понятно. Зато сам он в последнее время был сильно занят.

Он не мог жить, полностью завися от Шэнь Юньсяо, иначе легко превратился к придатком, которым этот мужчина сможет помыкать как вздумается.

К тому же он собирался отомстить подлецу, и он вовсе не рассчитывал на помощь Шэнь Юньсяо, да и не хотел её. К тому же, какое выражение лица будет у Шэнь Хэцзюя, когда он узнает, что его оставил у себя Шэнь Юньсяо? У Мин испытывал огромное удовольствие, стоило ему лишь представить эту удушливую, перекошенную от злости гримасу.

И действительно, узнав об этом, Шэнь Хэцзюнь и впрямь рассвирепел. Разнеся в щепки всё, что попадалось на глаза, он несколько раз сорвал злость на приведённом мальчишке, и лишь после этого немного успокоился. Когда он ходил ко Второму господину Шэнь, тот отказался ему помочь, и ладно бы — но какого чёрта он увёл у него человека сразу же после того, как он переступил порог? Что это вообще должно было значить?!

Шэнь Хэцзюй привык, что всё идет по его воле и ему позволено абсолютно всё. За последние годы мало кто осмеливался заставлять его терпеть обиды. Дело с компанией после смерти старика и так хватало с головой, чтобы измотать его, так тут ещё внезапно объявилась эта напасть — разумеется, он не мог просто так проглотить такую обиду.

<http://bllate.org/book/21658/2234876>